

И. Е. ПРИСЬ

Контекстуальность
онтологии
и современная
физика

Тела мысли

Игорь Прись

**Контекстуальность онтологии
и современная физика**

«Алетейя»

УДК 530.145
ББК 22.314

Прись И. Е.

Контекстуальность онтологии и современная физика /
И. Е. Прись — «Алетейя», — (Тела мысли)

ISBN 978-5-00165-049-2

УДК 530.145
ББК 22.314

ISBN 978-5-00165-049-2

© Прись И. Е.
© Алетейя

Содержание

Предисловие	6
Введение: Реализм. Какой реализм?	8
Часть I	16
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

И. Е. Прись

Контекстуальность онтологии и современная физика

Dans la réalité, il y a des choses qui, dans certains contextes comptent d'une certaine façon et, dans d'autres, d'une autre façon.

(«В реальности есть вещи, которые в одних контекстах имеют одно значение, а в других – другое» (пер. с фр.).)

Jocelyn Benoist, L'adresse du réel

Предисловие

Цель данной книги, с одной стороны, модернизировать философский реализм путём замены его реализмом контекстуальным (неметафизическим витгенштейновским реализмом), основываясь на новейших достижениях современных философии и физики, а с другой стороны, одновременно в рамках контекстуального реализма устранить философские и концептуальные препятствия, которые в настоящее время мешают пониманию и развитию физики, в частности, квантовой физики, космологии и квантовой гравитации.

В рамках витгенштейновского в широком смысле подхода мы критикуем метафизический реализм и, в частности, научный реализм, метафизический платонизм и структурный реализм в философии физики и предлагаем заменить их позицией, которую мы называем «контекстуальным научным реализмом». Это применение нашей интерпретации философии позднего Витгенштейна и контекстуального реализма французского философа Жослена Бенуа к философии физики. Мы также используем ресурсы аналитической философии сознания и философии языка и витгенштейновский грамматический (терапевтический) метод.

Основная идея в том, что онтология и эпистемология физики зависят от контекста. Бытие раскрывает себя в рамках явления, предполагающего различие между видимостью и реальностью. В наших витгенштейновских терминах такое (нормативное) явление суть укоренённая в реальности «языковая игра», то есть употребление нормы (правила).

Мы акцентируем внимание на правильном понимании концепта реальности, необходимости принятия во внимание категориального различия между реальным и идеальным.

С нашей точки зрения, устоявшаяся и проверенная на опыте физическая теория играет роль витгенштейновского правила/нормы для «измерения» реальности в рамках языковой игры её применения, а практика её применений – роль «формы жизни» в смысле позднего Витгенштейна. Теория как правило/норма нефальсифицируема. Проблема «провала» между физической теорией и реальностью, или проблема теоретического доступа к физической реальности, есть псевдопроблема. Это инстанциация витгенштейновской проблемы следования правилу. В частности, квантовая «проблема измерения» есть псевдопроблема.

Мы иллюстрируем наш взгляд на обыденных примерах и на примерах из теории относительности, квантовой физики, теории струн. Например, мы утверждаем, что бозон Хиггса – контекстуальный объект в рамках Стандартной модели и практики её применений и что в известном смысле природа гравитационных волн зависит от контекстуального выбора физической теории для их описания.

Квантовая проблема измерения устраняется нами по аналогии с устранением «трудной проблемы» философии сознания. Квантовые корреляции объясняются причинным и локальным образом как корреляции в контексте.

Мы отвергаем дуализм квантового наблюдателя и наблюдаемой системы. В то же время мы делаем различие между ними. Это различие, однако, не субстанциальное, а категориальное и зависит от точки зрения.

В рамках контекстуального реализма интерпретируется реляционная интерпретация квантовой механики Карло Ровелли, демистифицируется интерпретация Эверетта, исследуется природа и онтология пространства-времени (мы утверждаем, что пространство-время реально, контекстуально и плюралистично), выясняется смысл «неэмпирического подтверждения» теории струн, принципа соответствия и единства физики. Физическая дуальность трактуется как семейное сходство между физическими теориями.

Мы утверждаем, что контекстуальный реализм позволяет избавиться от метафизических проблем, с которыми сталкивается физика и, в частности, различные интерпретации квантовой механики. Он позволят устранить в них остатки идеализма и метафизического реализма.

Предлагаемый подход не чисто «терапевтический». Мы можем схватывать, познавать, описывать, объяснять сами реальные вещи – вещи, каковы они есть на самом деле. Тем не менее, как мы утверждаем, проблема «реального» и «видимого» в физике, проблема недостижимости идеала и ряд других проблем – индикатор неадекватного употребления теоретического языка для описания явлений. Реальные вещи в точности таковы, как они описываются в результате корректного (адекватного, точного) употребления (в контексте) подходящей физической теории. Не больше, но и не меньше.

* * *

Введение: Реализм. Какой реализм?

«Провал между фактическим – реальным: тем, что всегда есть лишь то, что оно есть, – и нормой, которая имеет предназначение его выявить, корректно или некорректно, как мне кажется, составляет фундаментальную структуру того, что я называю (...) ”реализмом”» [87, р. 99].

Позиция реализма, если её сформулировать в виде лозунга, есть простое утверждение реальности. Она предполагает, таким образом, ответы на вопросы «Что такое реальность?» и «Что реально?»¹. И наоборот: ответы на эти вопросы возможны лишь в рамках той или иной философской позиции – реалистической, если они правильные.

Вопрос «Что реально?» мы будем понимать не столько в онтологическом смысле «Что конкретно реально?», «Какие существуют реальные объекты?»², сколько в смысле «Каким образом отличить то, что реально, от того, что не реально, а, быть может, “идеально”?» Таким образом, возникает также следующий вопрос: «Как понять различие между реальным и идеальным?»

Фундаментальным и исходным пунктом для нашего подхода будет утверждение категориального различия между реальным и идеальным. Медитируя в конце 90-х – начале 2000-х годов позднего Витгенштейна³, мы пришли к выводу, что он систематически указывает на возможную ошибку смешения концептуального (описательного) уровня и уровня онтологического (реальности), принятия описания реальности за реальность. И тем самым мы имплицитно учли указанное категориальное различие⁴.

¹ Вопрос «Что реально?» ставят, например, Жослен Бенуа [87], Жан-Люк Марион [503–504]), Кит Файн [211] и другие.

² Термин «объект» может быть понят в самом общем смысле как то, что имеет определённую или определённое существование, конкретное или нет, и даже как то, о чём вообще имеет смысл говорить, как, например, концепты. К парадигматическому случаю объектов относятся окружающие нас обыденные визуальные (пространственно-временные) конкретные объекты, имеющие ту или иную идентичность, как, например, конкретные столы, дома, деревья. Мы будем понимать под объектом в широком смысле то, что существует, то есть имеет определённую и реально (существование для нас всегда имеет определённую и реально). (О понятии объекта и его происхождении см., например, [532].) При этом мы не забываем, что существование (реальность) может иметь различную природу. Это, однако, не означает, как полагают некоторые философы, что существуют различные понятия существования (реальности).

³ Мы будем говорить о философии «первого», или «раннего», Витгенштейна, относящейся к *Трактатусу*, и философии «позднего», или «второго», Витгенштейна. Иногда различают философии «первого», «второго» и «третьего» Витгенштейнов. Философия третьего Витгенштейна относится к его последней работе «О достоверности».

⁴ Оговоримся: описание вещи, как мы будем утверждать, если оно корректное (подлинное), описывает саму реальную вещь, а не некоторую «вещь для нас». В этом и только этом смысле можно сказать, что описание и есть сама реальность. То есть подлинное описание укоренено в реальности, находится с ней в интимном контакте, питается ею. Это, однако, описание в контексте. Мы отвергаем «описание», которое, оторвано от контекста и, соответственно, превращено в субстанциальный идеальный объект. Такое описание как бы приобретает своё собственное существование, отличное от существования реального объекта, который оно описывает. Другими словами, описание можно отождествить с реальностью, если внимание фокусируется на том, что описание описывает. Но его нельзя отождествить с реальностью, если внимание фокусируется на самом описании, на средствах идентификации реальности, в результате чего сама реальность выпадает из поля зрения. Следует также принять во внимание предупреждение Витгенштейна о постоянно грозившей нашему разуму опасности поддаться очарованию средствам языка и принять те языковые средства, которые играют экспрессивную роль, за средства описательные. Витгенштейн интересуется не столько языком, сколько тем, что такое мысль, сознание. Мы согласны с Жосленом Бенуа, что его скорее следует назвать философом сознания, а не языка [78]. Мы также утверждаем, что поздний Витгенштейн неметафизический реалист, а не «лингвистический идеалист». Язык для него – средство для выражения мысли и постижения реальности, а не самоцель. Нормы, которые управляют витгенштейновскими языковыми играми, могут быть сделаны эксплицитными в виде правил. Правила говорят, что надо делать, чтобы корректно «играть» в соответствующую языковую игру, которая есть нормативная практика. Эти правила не играют описательную функцию (функцию представления); они не описывают сами вещи или состояния дел. Но в рамках языковой игры они позволяют описать (идентифицировать) реальный объект при помощи эмпирических (описательных) концептов, в которых они имплицитны. В терминологии Брэндома правила – формулировки метаконцептов, играющих экспрессивную роль.

Эксплицитным образом это категориальное различие вводит в рассмотрение современный французский философ Жослен Бенуа [73–92]. Мы принимаем его позицию по этому вопросу: Реальность такова, какова она есть. Это её определение. Смысл, нормы, концепты, язык как парадигма нормативного, точки зрения (перспективы), мысли, теории идеальны. Мы скажем, что они представляют собой некоторое «движение» в реальности, некоторое её «употребление» (но сами к реальности не относятся)⁵.

Антиреализм, или идеализм, – мы зачастую будем употреблять два термина как взаимозаменяемые – как мы его определяем, либо приписывает той или иной идеальности (мы будем также говорить об «идеальных объектах») статус реального, либо стирает границу между реальным и идеальным, либо не рассматривает то или иное реальное в качестве реального, либо считает, что некоторые реальности «менее реальные», чем другие. Короче говоря, антиреалист/идеалист не делает различия между указанными выше категориями или же смешивает их.

Истина объективна и в этом смысле она одна⁶, а отклонений от неё много. Подлинно реалистическая позиция одна, а разновидностей антиреализма (идеализма) много.

Мы будем отстаивать и применять для решения философских проблем реализм, который комбинирует нашу реалистическую (но не «метафизическую») интерпретацию позднего Витгенштейна, предложенную в начале 2000-х годов, и, на наш взгляд, имеющий с ней много общего более поздний «контекстуальный реализм» Жослена Бенуа [73–92]. Нашу исходную позицию мы называли неметафизическим витгенштейновским «нормативным реализмом (и натурализмом)». Для обозначения нашей теперешней реалистической позиции мы заимствуем выражение «контекстуальный реализм». В то же время термин «нормативный реализм» также остаётся пригодным. Если говорить в двух словах: терминология мотивируется тем, что наш реализм утверждает контекстуальную вариабельность идентичности реальных объектов, которые идентифицируются в контексте при помощи норм. Сами нормы вырабатываются в реальности и зависят от контекста. Идентифицируя реальный объект, они «измеряют» реальность, не имеющую до своего измерения объектной (пред)определённости. (См. также сноску 4 выше.)

Для нас, как и для Бенуа, философия позднего Витгенштейна – один из главных источников философского вдохновения. Помимо Витгенштейна, на нас обоих, но в разной степени, оказали влияние философия Джона Остина и контекстуализм Чарльза Трэвиса, считающего себя последователем Витгенштейна [50; 395; 397]. В отличие от Бенуа, мы, однако, полагаем, что контекстуализм Трэвиса является радикальным, а не витгенштейновским. И, как нам представляется, контекстуализм самого Бенуа отличается от контекстуализма Трэвиса.

Контекстуальный реализм – это прежде всего (контекстуальный) анализ, критический реализм. Это также нормативный прагматизм витгенштейновских языковых игр и форм жизни – нормативных практик. Это не метафизическая позиция в традиционном смысле и, в частности, не спекулятивный реализм. В то же время это и не антиметафизическая позиция. Как мы увидим, правильно понятая метафизика не только допускается, но и играет в рамках контекстуального реализма существенную роль. В частности, контекстуальный реализм утверждает, что мы способны познать сами (реальные) вещи, которые идентифицируются при помощи норм/

---

⁵ Отметим, что философы говорят также и о реальности норм. (Например, 23–24 мая 2019 г. в Париже состоялся франко-немецкий рабочий семинар под названием «Реальность норм».) На первый взгляд, это прямо противоречит утверждению об их идеальности. Отметим, однако, что вместе с Бенуа об идеальности норм мы говорим в категориальном смысле. В то же время, как мы полагаем, о реальности норм можно говорить в том смысле, что подлинные нормы, в отличие от псевдонорм, укоренены в реальности, вырабатываются в ней, имеют реальные условия своего существования и применения.

⁶ Это утверждение не отказ от плюрализма истин (который не обязательно понимать в смысле неоднозначности самого концепта истины; мы как раз полагаем, что концепт истины однозначен). В рамках подлинного реализма, как мы увидим, имеет место плюрализм способов быть истинным.

концептов как укоренённые в реальности (реальные) объекты⁷. Явления, в рамках которых эти объекты нам *даются*⁸, имеют нормативное измерение (данность объекта может быть истинной или ложной, иллюзорной) и тоже укоренены в реальности, то есть они не автономны. Норма явления преодолевает его: правильно понятый «зов реальности» (выражение, как известно, употребляет Мартин Хайдеггер) – нормативный «зов». Таким образом, преодолеваются как трансцендентальная философия Канта, так и традиционная феноменология.

Контекстуальный реализм – это также возврат к правильно понятому Платону, тогда как метафизический платонизм отвергается. Именно Платон ввёл понятие явления (феномена; греч. φαινόμενον) и открыл, что всякое явление имеет нормативную структуру: явление предполагает различие между видимостью и реальностью (тем самым Платон ввёл в философию понятие (реального) бытия). Аристотель развил нормативное понимание понятия явления, сделал его структуру более эксплицитной при помощи своих категорий [84].

Ещё один вопрос, тесно связанный с поставленными в начале этого раздела «Введение», следующий: «Каков смысл слова “реальный”?» Для Витгенштейна, Остина, Куайна, Жослена Бенуа и многих других (например, для известного теоретического физика Карло Ровелли) слово многозначно. Это утверждение мы разделяем, но в то же время подчёркиваем, что оно требует уточнения. Мы понимаем многозначность слова «реальный» не в смысле многозначности самого концепта реальности – концепт реальности однозначен: реальность такова, какова она есть, – а в смысле существования различных видов (областей, аспектов и так далее) реальности, которым соответствуют различные смыслы-употребления слова «реальный». «Реальный» в рамках физики означает «физически реальный», то есть относящийся к физической (природной) реальности, в рамках социологии – «социально реальный», то есть относящийся к социальной реальности, в рамках математики – «математически реальный». И так далее. В то же время физическая реальность, социальная реальность, математическая реальность и любой другой вид реальности – реальности в одном и том же общем смысле. Нельзя сказать, что одна менее реальна, чем другая, или надстраивается над другой. Существование степеней реальности и иерархизм реальностей мы отвергаем⁹.

Вопросы же о природе различных типов реальности, о содержании (смысле) понятий «физическая реальность», «социальная реальность», «математическая реальность», «цифровая реальность» или более специфических понятий «квантовая реальность», «геометрическая (или информационная) реальность», «реальность государственной системы образования» и так далее требует исследования. Например, метафизический платонист в математике утверждает, что числа – идеальные, совершенные, неизменные и вечные объекты по образу и подобию окружающих нас материальных объектов. Он утверждает, что, в отличие от последних, числа существуют в платонистском мире, к которому у нас может быть лишь интеллектуально-созерцательный, а не эмпирический, доступ. Тем самым подлинная природа математической реальности, которая выявляется лишь при исследовании реальной нормативной математической практики, игнорируется. Математические объекты догматизируются, отрываются от контекста, в котором они укоренены, лишаются своей подлинной динамики, которая возможна не в безвоздушном пространстве, так сказать, а лишь через преодоление сопротивления контекста, реальности.

⁷ У Канта эмпирические объекты, или феномены («вещи для нас»), не укоренены в реальности. Причина феноменов – непознаваемые «вещи в себе». Бенуа говорит о кантовских феноменах как «феноменах без рук» [84].

⁸ Можно говорить, что сами явления нам даны. Но эту данность не следует понимать в смысле самоочевидной автономной данности, как это делали феноменологи XX века.

⁹ Как пишет Бенуа, «социальная реальность не менее реальна, чем природная. Самое большее, что можно сказать, – она реальна по-другому. В то же время, говоря это, мы не должны принимать разницу в типах за разницу в категориях. Природа и культура – два типа реальности, но они принадлежат одной и той же категории: реальности» [87, р. 76].

Метафизический подход доминировал в истории философии. Этот подход не делает различия между проблемой реальности и онтологической проблемой. Традиционная позиция реализма в самом общем смысле утверждает (1) существование реальности в смысле совокупности (реальных) объектов, их свойств и отношений и (2) независимость этой реальности от сознания (субъекта, языка, концептуальной схемы, теории, точки зрения и так далее). Первое измерение онтологическое, тогда как второе – измерение объективности: реализм утверждает, что то, что существует, существует объективно.

На самом деле эти положения относятся к позиции, которую Хилари Патнэм называет «метафизическим реализмом». Патнэм критикует эту позицию и формулирует её более подробно в виде трёх положений: 1) независимость реальности («мира») как фиксированной тотальности объектов от сознания (что примерно соответствует двум вышеприведённым положениям), 2) истина как соответствие языка и реальности (реального состояния вещей), 3) единственность истинного и полного описания реальности (состояния вещей) [339]. Положение 3) можно рассматривать как следствие положений 1) и 2)¹⁰. Позже к трём характеристикам метафизического реализма Патнэм добавил принцип бивалентности (см. ниже) [464, р. 107].

Патнэм справедливо считает, что представление метафизического реалиста о реальности таково, как если бы реальность сама себя объясняла. На самом деле, как замечает Бенуа, это наша задача её объяснить [82]. Метафизическая реальность – это «уже готовая реальность» вещей-в-себе, обладающих (предопределёнными) внутренними свойствами. Согласно Патнэму, она предполагает «внешнюю» точку зрения, или «точку зрения Бога».

Ли Браве и некоторые другие философы полагают, что четыре положения реализма, на которые указывает Патнэм, составляют ядро традиционного реализма: три из них характеризуют «метафизический реализм», и одно представляет собой принцип бивалентности в смысле Майкла Даммита. Последний утверждает, что всякое предложение имеет свои истинностные условия (однозначно реализуемые или нет во внешнем мире), независимо от его верифицируемости, очевидности и контекста [185; 550]. (В такой формулировке принцип бивалентности можно рассматривать как следствие трёх других положений.) К этим четырём положениям реализма Браве добавляет условие, что сознание способно познать реальность как таковую. Это условие он называет условием «пассивности» субъекта: возможно познание реальности, не деформирующее объект познания. Пассивное познание не привносит в познание субъективные элементы; оно не зависит от природы познающего субъекта [139].

Положения метафизического реализма на самом деле содержат элементы антиреализма/идеализма, то есть представляют собой отклонение от позиции подлинного реализма. В реальности, которая объясняет саму себя, то есть состоит из вещей-в-себе, имеющих (пред)определённые внутренние свойства, независимо от способа их определения, смысл субстанциализирован, то есть превращён в реальные свойства реальных объектов. Истина как метафизическое соответствие с предопределённым реальным состоянием вещей оказывается натурализованной, то есть редуцируемой к естественному состоянию вещей. То же самое можно сказать о языке: истинные высказывания как бы располагаются напротив реальности, реального состояния дел, в буквальном смысле их отражают (во всяком случае, имеет место гомоморфизм). Категориальное различие между реальным и идеальным исчезает.

Что касается бивалентности в смысле Даммита, то это принцип «семантического реализма», также содержащий идеалистическое измерение: семантика рассматривается как автономная и определяющая истинностные условия, независимо от контекста. Реалистически формулирует принцип бивалентности Тимоти Уильямсон: «Если в контексте предложение (фраза)

¹⁰ Патнэм, например, пишет: «метафизический реалист утверждает, что мы можем думать и говорить о вещах, каковы они есть, независимо от нашего сознания, и мы можем это делать в силу отношения "соответствия" между терминами нашего языка и некоторого рода сущностями, не зависящими от сознания» [462, р. 205].

говорит, что нечто есть то-то и то-то, то в этом контексте предложение либо истинно, либо ложно» [442, р. 378]. (Предложение, которое ни истинно, ни ложно, строго говоря, бессмысленно.)

Как мы уже сказали выше, подлинно реалистическая позиция однозначна. Антиреализм определяется как оппозиция реализму, или отклонение от него, или отрицание тех или иных его характеристик. Он многозначен. С другой стороны, известно, что термин «реализм», подобно другим «измам», многозначен. Мартин Куш, например, насчитывает более чем 80 различных значений термина «реализм» в философии морали и познания, которые различаются в статье Сьюзен Хаак, опубликованной в 1987 году [443]¹¹. (Термин «релятивизм», очевидно, ещё более многозначен.) Эта многозначность, по-видимому, имеет двойственное происхождение: (1) различные подлинно «реализмы» относятся к различным областям реальности и познания; (2) многие «реализмы» – комбинации реализма и идеализма, отклонения от подлинного реализма, то есть на самом деле антиреализмы. Многообразие антиреализмов объясняется многочисленностью всевозможных отклонений от реализма и многочисленностью комбинаций реализма и идеализма. Нашей задачей является формулировка, обоснование, иллюстрация и применение позиции подлинного реализма.

Патнэм отвергнул метафизический («твёрдый») реализм – позицию, которую он сам первоначально занимал и которая, согласно ему, не может противостоять скептицизму.¹² Поначалу он противопоставил ему «внутренний (или прагматический) реализм», вводящий зависимость реальности от системы отсчёта (концептуальной схемы). Позже его позиция эволюционировала к реализму обыденного смысла, «наивному», или «естественному», реализму.¹³ На эту позицию ссылается Бенуа [75, р. 8, сноска 1].

Как нам представляется внутренний реализм Патнэма, будучи в целом идеалистической позицией, содержит полезную идею «внутренней перспективы» [339, р. 49–50]:

«(...) Для этой точки зрения характерно считать, что вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл лишь в рамках теории или описания. Многие, хотя и не все, “интерналистские философы” к тому же утверждают, что существует больше, чем одна, «истинная» теория или описание мира. «Истина» с точки зрения интерналистской есть некоторый вид (идеализированного) рационального принятия – некоторый вид идеальной согласованности наших мнений друг с другом и с нашими опытами в том виде, в каком сами эти опыты представляются в рамках нашей системы мнений – а не соответствие с независимыми от сознания или независимыми от дискурса “положениями дел”».

Также «внутренний реализм» отвергает дихотомию между субъективным (зависящим от интереса и культуры) и объективным (не зависящим от интереса и культуры), проекцией (например, ложным образом приписываемым свойством) и свойством вещи в себе, силой (англ. power) (диспозиционным свойством) и свойством вещи в себе [461, р. 27–31]. «Суть (...) “внутреннего реализма” в отвергании этих трёх дихотомий» [461, р. 28]. Вдобавок Патнэм также отвергает дихотомию между утверждениями, обладающими лишь условиями утвержда-

¹¹ На многозначность термина «реализм» указывает в своей статье Сьюзен Хаак [443]. Она выделяет следующие его смыслы: четыре смысла отсылают к тезисам о статусе научных теорий: теоретический, кумулятивный, прогрессивный, оптимистический реализмы. Пять смыслов – к тезисам о природе истины и её носителях (truthbearers): минимальный, амбициозный, абсолютизм, трансцендентализм, нидеализм (Nidealism), схоластический реализм. Эти смыслы в значительной мере независимы друг от друга. В настоящее время сама Хаак придерживается «критической философии науки здравого смысла» [533] (см. также [260]).

¹² Вкратце, антискептический аргумент Патнэма утверждает, что мы не можем по-настоящему верить, что мы «мозг в пробирке». Этот аргумент ослабляет картезианский скептицизм [339].

¹³ О своём «реализме обыденного смысла» (common-sense realism) Патнэм пишет: «мысль и язык могут представлять части мира, которые не части мысли или языка» [551, р. 299]. Тимоти Уильямсон выдвигает аналогичный аргумент: убеждение «мозга в пробирке», что перед ним реальные вещи, не является по-настоящему обоснованным, так как это убеждение ложно, а подлинное обоснование не может быть обоснованием ложного убеждения. В наших терминах: подлинное обоснование должно быть укоренено в реальности.

емости и утверждениями, имеющими истинностные условия [461, р. 31]. (См. также ссылки на Патнэма в [444, р. 611].)

Позиция внутреннего реализма, на наш взгляд, содержит значительную долю истины, а именно, в своей критической по отношению к «метафизическому реализму» части: ответ на онтологический вопрос зависит от выбора теории, описания (назовём это положение «перспективизмом» Патнэма). Однако отказ от понимания истины как соответствия и принятие когерентной теории истины – дань идеализму.

Как нам представляется, перспективизм Патнэма можно модифицировать, преобразовать в контекстуальный реализм, если отказаться от когерентизма и признать, что подлинные перспективы, теории, описания, «соответствие» между языком и состояниями вещей укоренены в реальности, контексте, то есть имеют конкретные (реальные) условия своего существования, своей корректности. Такого рода неметафизический реализм является витгенштейновским в широком смысле реализмом, поскольку он апеллирует к языковым играм как действиям, управляемым нормами (правилами, теориями, перспективами и так далее).

В самом деле, например, для Патнэма «глубинный систематический корень болезни [объективизма или научного реализма, и, следовательно, метафизического реализма] (...) лежит в понятии “внутреннего” свойства – свойства, которое нечто имеет “в себе”, независимо от какого-либо вклада, привносимого языком или сознанием» [461, р. 8]. Если сказанное понимать в том смысле, что реальность как таковая, то есть реальность сама по себе, не имеет определённых (абсолютных) свойств, что существование определённых свойств (определённых) вещей (объектов) зависит от контекста, то утверждение Патнэма можно принять. Другими словами, можно принять отказ Патнэма от метафизического реализма и научного реализма, который есть метафизический реализм применительно к философии науки.

Метафизический реализм – абсолютизм. Отказываясь от метафизического абсолютизма, Патнэм, однако, в то же время смешивает абсолютизм и объективизм, понимает последний как первый¹⁴. На самом деле, объективность относится к самому понятию истины. Объективность – одна из характеристик реализма и позиции, которую мы называем «контекстуальным реализмом». Существование онтологического измерения – другая характеристика реализма вообще и контекстуального реализма в частности. В рамках последнего – эту точку зрения мы отстаиваем – онтология вторична, зависит от контекста и формируется в реальности (она формируется как совокупность реальных объектов, их свойств и отношений) субъектом, употребляющим язык и концепты (при этом субъект не располагается вне реальности, а является её частью. Сама субъективность (сам субъект) возникает в реальности, подобно возникновению концептов и языка и вместе с ними)¹⁵, а реальность первична. Принятие во внимание реальности как таковой – измерение подлинного реализма. Третьей характеристикой контекстуального реализма, который, следуя Бенуа, мы отстаиваем в данной работе, является контекстуальность – фундаментальное эпистемическое и онтологическое свойство реальности. Наконец, онтологический антиредукционизм – четвёртая характеристика контекстуального реализма. Онтология плюралистична. Вообще говоря, различные области реальности, реальные объекты различной природы не редуцируются друг к другу. Имеет место бесконечное разнообразие способов бытия и способов быть истинным (см., например, [87, ch. 1], [85]). В части II мы

---

¹⁴ На это указывает, например, Бернард Уильямс. Согласно ему, для Патнэма в «объективной» реальности имеет место лишь то, что включено в онтологию и идеологию «законченной науки», то есть лишь то, что признаёт абсолютная концепция.

¹⁵ Традиционная наука (Нового времени) предполагает универсальность «объективности». При этом сам познающий (обладающий сознанием) субъект оказывается вне поля зрения. Как отмечает Бит-боль, в западной философии было разработано несколько стратегий, чтобы устранить этот недостаток. Например, в рамках феноменологии Гуссерля суждения относительно объективного внешнего мира приостанавливаются (*epochè*), а суждения о наличии знания оцениваются, исходя из «чистого сознания», живого опыта познания. В рамках панпсихизма сознание (живой опыт) помещается в то, что, на самом деле, его лишено, то есть оно объективируется. (Подробнее см. [506; 507].)

покажем, каким образом эти характеристики подлинного (контекстуального) реализма позволяют понять современную физику и решить или устранить её философские проблемы.

В Части I излагается наша реалистическая точка зрения, которую, следуя Бенуа, мы называем контекстуальным реализмом. (Главы 1–3.) Это синтез нашей интерпретации второй философии Витгенштейна и позиции Бенуа. Излагается также собственно позиция Бенуа. (Глава 4.)

Мы, в частности, рассматриваем понятия реальности, явления, данного, языковой игры, формы жизни, самой вещи и другие. Языковая игра понимается как употребление правила (нормы) для «измерения» реальности как «ощущаемого». В то же время языковая игра есть явление, предполагающее различие между видимостью и реальностью, в рамках которого дана являющаяся вещь. В случае подлинного данного (языковой игры, явления) сама являющаяся вещь укоренена в реальности, есть ощущаемый реальный объект в широком смысле, контекстуальное бытие. Традиционная феноменология, семантический идеализм, корреляционизм, метафизический реализм, метафизический платонизм, (метафизический) структурный реализм, а также некоторые разновидности «нового реализма» отвергаются в пользу неметафизического витгенштейновского по духу контекстуального реализма.

В Части II в рамках витгенштейновского в широком смысле подхода мы критикуем метафизический реализм, платонизм и структурный реализм в философии физики и предлагаем заменить их «контекстуальным научным реализмом». В этих рамках решаются основные философские проблемы философии физики. В частности, контекстуальный подход применяется для выяснения природы физической теории, смысла принципа соответствия и единства физики, трактовки проблем пространства и времени, специальной и общей теории относительности, квантовой теории, теории струн. Также даётся ответ на аргумент пессимистической индукции, решаются (устраняются) проблемы доступа к реальности, недостижимости идеала и другие.

Физическая теория интерпретируется как «витгенштейновское правило» (норма) для «измерения» физической реальности, а практика её применений – как «форма жизни» в смысле позднего Витгенштейна. Её истинность логическая в смысле витгенштейновской «философской грамматики». Она может быть либо применимой, либо нет, но не может быть ложной. Поэтому в противоположность позиции Карла Поппера мы утверждаем, что критерием устоявшейся научной теории является её нефальсифицируемость. Статус витгенштейновского правила имеет, например, «замкнутая теория» Вернера Гейзенберга. (Глава 5.)

Изучаются процессы эволюционного и революционного преобразований физики – в частности, перехода от классической парадигмы к квантовой. Принцип соответствия интерпретируется как принцип естественного обобщения. Утверждается, что физика и природа одновременно и едины, и плюралистичны. (Глава 6.)

Вводится различие между классическими и квантовыми концептами и иллюстрируется их применение. Устанавливается связь между квантовой проблемой измерения, «трудной проблемой» философии сознания и витгенштейновской проблемой следования правилу. Эти проблемы устраняются логически. (Глава 7.)

Анализируются аргументы в пользу тезиса о возможности «неэмпирического подтверждения» физической теории (например, теории струн) и, в частности, аргумент об отсутствии альтернатив. Утверждается, что принцип вывода к наилучшему объяснению является более фундаментальным, чем аргумент об отсутствии альтернатив. (Глава 8.)

Наша реалистическая точка зрения иллюстрируется на обыденных и физических примерах. В частности, утверждается, что бозон Хиггса представляет собой контекстуальный объект в рамках Стандартной модели и практики её применения, а природа гравитационных волн в известном смысле зависит от выбора физической теории для их описания. (Глава 9.)

Выявляется смысл и природа пространства и времени. Утверждается, что пространство-время реально, контекстуально и плюралистично. Физическая дуальность трактуется как семейное сходство между физическими теориями. (Глава 10.)

Предлагается реалистическая интерпретация квантовой механики. Посредством контекстуализации устраняется остаточная метафизика в реляционной квантовой механике Карло Ровелли, интерпретации Эверетта и копенгагенской интерпретации. (Глава 11.)

Запутанная волновая функция трактуется как «причина» квантовых корреляций. Утверждается, что коррелирующие события на автономны, а определяются в контексте их наблюдения. Независимо от средств их наблюдения нет никаких событий. Редукция волновой функции в «процессе измерения» не реальный физический процесс, требующий своего объяснения, а переход в контекст измерения конкретного значения физической величины. Соответственно, измерение не физическое взаимодействие, возмущающее состояние системы, а идентификация контекстуальной физической реальности. (Глава 11.)

Проблема измерения, или проблема применения физической теории к реальности, возникает в результате смешения категорий идеального (теории, концепты) и реального (применение теории). Она устраняется («растворяется») логически. Проблема – инстанциация витгенштейновской проблемы следования правилу. Роль витгенштейновского правила (нормы), «измеряющего» физическую реальность в рамках языковой игры его применения, играет квантовая теория. (Главы 7, 11.)

Применительно к философии физики критикуются общие предпосылки эпистемологии и метафизики модерна, в частности проблема доступа к реальности и репрезентационализм, и утверждается, что реальность физических объектов зависит от контекста.

Примечания:

1. Если не указано иначе, все переводы с английского, французского и немецкого наши.
2. Мы иногда будем употреблять следующие сокращения: «в-правило» вместо «витгенштейновское правило», «ЯИ» вместо «языковая игра».
3. Мы переводим употребляемый Жосленом Бенуа французский термин *le sensible* (см. [76]) как *Ощущаемое* и интерпретируем соответствующее понятие.

* * *

Часть I

Контекстуальный реализм и философия Витгенштейна

«(...) Реализм не идеальности, а правила, трактующий реальные инстанции не как приближения к чему-то бы ни было, а как применения, корректные или некорректные, правила» [88, р. 20].

Глава 1

Контекстуальный реализм

В качестве первичного фундаментального понятия мы выбираем понятие реальности. По определению реальность такова, какова она есть. Это определение категориальное [75; 82]. Оно устанавливает логический статус понятия реальности, а не определяет её свойства. О реальности как таковой нельзя ничего сказать позитивного. Не имеет смысла строить теорию реальности как таковой. Можно, однако, содержательно изучать те или иные виды или области реальности. Обыденная реальность (дома, деревья, люди, обыденные вещи), физическая реальность (кварки, электроны, атомы, галактики), математическая реальность (числа, аксиомы, теоремы), социальная реальность (государства, границы, правовые системы, социальные статусы) и другие виды реальности различны по своей природе, которая требует своего выяснения. Тем не менее они реальны в одном и том же смысле, определяемом концептом реальности.

Концепт реальности в результате исторического развития человечества и возникновения новых видов и типов реальности обогащается. Он может в известной мере корректироваться. Квантовая физика, например, вносит коррективы в наши представления о реальности. Квантовая частица не классическая частица. Она как бы может одновременно находиться в разных точках пространства, и не имеет смысла говорить о её траектории. Понимание природы квантовой реальности требует понимания роли квантового «наблюдателя». Выявляются также новые виды социальной реальности. Например, Маурицио Феррарис вводит в социальную онтологию «онтологию документов» [208; 209]. В результате развития вычислительной техники и информатизации общества возникли понятия цифровой и информационной реальностей. И так далее. В то же время в обозримой перспективе сам концепт реальности не может измениться. Как мы уже сказали, реальность просто такова, какова она есть. К тому же, с каким бы сложным видом реальности мы не имели дело, в конечном итоге мы всегда отталкиваемся от обыденной реальности, которая никуда не исчезает.

Если бы концепт «реальность» с лёгкостью менялся или определялся по нашему желанию, он перестал бы быть подлинным концептом реальности. Подлинный концепт реальности должен быть укоренён в самой реальности, а не введён теоретически. Он нам необходим. Для того чтобы действительно иметь дело с реальностью, действовать в реальном мире (а действовать можно лишь в реальном мире), мы должны владеть подлинным концептом реальности, не уводящим нас в мир иллюзорный, не блокирующий нас в наших действиях, не способствующий конформизму и принятию той актуальной социальной реальности, которая нас окружает и, как правило, требует изменений.

Реализм предполагает измерение реальной ангажированности субъекта – ангажированности с реальностью (а другой ангажированности не бывает). Антиреализм игнорирует это измерение. В этом смысле, как пишет Мишель Битболь, он страдает от этического дефицита [95]. Другими словами, у антиреалиста нет концепта реальности или же этот концепт специфический, не подлинный. «Реальность» антиреалиста на самом деле не реальность. Подлинный концепт реальности требует наличия чувства реальности, возникающего в нашей жизни, конкретной практической деятельности. Это чувство может ослабнуть или исчезнуть, как это имеет место, например, у скептиков и постмодернистов¹⁶.

Эйнштейн считает, что чувство реальности, которое есть у учёного, сродни религиозному чувству: «У меня нет лучшего выражения, чем термин “религиозная”, чтобы выразить веру в рациональный характер реальности и её доступность, по крайней мере частичную, для разума

---

¹⁶ То же самое может произойти и в обыденной жизни. Лев Толстой, например, в преклонном возрасте говорил, что наша жизнь – это сон, а не подлинная жизнь.

человека. Когда это чувство отсутствует, наука вырождается в лишённый смысла эмпиризм». ([534]. Цитируется в [210, р. 110], а также в [95, р. 8].) Как отмечает Мишель Битболь, реализм сближается с религиозной установкой, понятой не в догматическом, а партисипативном смысле. Витгенштейн, в свою очередь, указывает на измерение ангажированности у подлинно верующего человека [436, § 373], [535, р. 85].

Измерение ангажированности отсутствует в метафизических доктринах. Представление метафизического реалиста о (пред)определённой реальности «внешнего мира» догматически фиксирует ту или иную идентичность вещей, свойств и отношений. Приписывание (метафизическим) интенциональным реалистом так называемым интенциональным объектам (красной шапочке, единорогу, воображаемому другу, золотой горе и так далее) статуса реальных объектов, как это делает, например, Маркус Габриель в рамках своей гиперлиберальной онтологии, создаёт между субъектом и реальностью воображаемую преграду, мешающую ему действовать (в реальности) и познавать (реальность) [222]. Платонистская субстанциализация норм приводит к представлению об имманентном несовершенстве и вторичности вещей нашего мира; идеал (подлинная реальность) оказывается никогда не достижимым. Феноменологическое представление об автономных явлениях (феноменах), раскрывающих себя из самих себя, уводит от реальности в сферу видимости и в конечном итоге в сферу чистой субъективности [84]. (Например, у Жан-Люка Мариона первичным понятием является понятие феномена [302–306].)

Как сказано выше, концепт реальности предполагает чувство реальности. Оно вырабатывается прежде всего в обыденном опыте, на практике. Перцепция, и в первую очередь визуальная перцепция, играет фундаментальную роль в его формировании. То, что в обыденной жизни мы воспринимаем при помощи наших органов чувств при нормальных условиях и выражаем в языке, реально. Это утверждение имеет семантическое измерение (можно также сказать: аналитическое, логическое). То есть оно имеет отношение к самому определению того, что мы называем «реальным» и «реальностью». Наиболее общие обыденные (и не только обыденные) предложения – «осевые предложения» Витгенштейна типа «Существуют физические объекты», «Это рука», «Земля существовала задолго до моего рождения», «Вода кипит при температуре 100 градусов по Цельсию», которые он анализирует в своей последней работе «*O достоверности*», – имеют измерение логической достоверности (между логическим, нормативным и концептуальным имеется связь; осевые предложения можно также интерпретировать как нормы или же как концептуальные схемы). Любое рациональное мышление (а другого и не бывает) предполагает существование осевых предложений, которые принимаются без обоснования. Поэтому скептицизм ложен. Скептический вопрос (сомнение) может быть осмысленным лишь тогда, когда действительно есть специфические основания его задавать. И в этом смысле позиция подлинного скептика может быть лишь локальной и временной. Глобальный же скептицизм вообще не имеет смысла. Скептик неправоммерно трактует наши наиболее фундаментальные убеждения (мнения, верования), укоренённые в нашей форме жизни, как если бы в них имело смысл сомневаться, как если бы они могли оказаться ложными, подобно многим другим нашим убеждениям.

Из сказанного следует, что понимание перцепции играет фундаментальную роль для понимания концепта реальности. Мы будем различать интенциональную и неинтенциональную компоненты перцепции (некоторые философы считают, что перцепция всегда интенциональна. Вместе с Жосленом Бенуа мы, однако, отвергаем это положение [76]). Для обозначения неинтенциональной (компоненты) перцепции, между которой и реальностью нет никакой дистанции, мы вводим технический термин «Ощущаемое» (фр. *le sensible*)¹⁷. Мы утверждаем,

¹⁷ См. примечание 3 на с. 25.

что первичная (неинтенциональная, не концептуализированная) перцепция, Ощущаемое, и есть сама реальность – по крайней мере что касается окружающего нас обыденного мира.

Ощущаемое как сама реальность относится к категории реального. Оно таково, каково оно есть. Образно говоря, Ощущаемое есть точка соприкосновения внешнего мира («ощущаемого» в смысле того, что ощущается, – объекта) и мира внутреннего («ощущаемого» в смысле субъективного ощущения). Точнее говоря, это исходная точка разделения реальности на внешний мир и мир внутренний, которые в концептуальном плане вторичны по отношению к первичной реальности – ощущаемому. Субъективный и объективный миры, онтология, интенциональный перцептивный опыт вторичны. Последний представляет собой, так сказать, нормированный (измеренный при помощи нормы) неинтенциональный перцептивный опыт. Соответствующая нормативность и есть его интенциональность; норма есть интенция¹⁸. Эта норма-интенция вырабатывается в реальности, исходя из неинтенционального опыта. Она не навязывается извне, безотносительно к реальным условиям своего существования. Она, следовательно, зависит от контекста (конкретных обстоятельств) и сама применяется в контексте, корректно или нет. Неинтенциональная перцепция (реальность) измеряется при помощи (реальных, то есть вырабатываемых в реальности) норм, формируя мир явлений, в рамках которых интенциональная (то есть уже нормированная, концептуализированная) перцепция идентифицирует реальные объекты, структуры, свойства и так далее. В случае корректного применения нормы-интенции она является «наполненной» (вместе с Жосленом Бенуа мы интерпретируем понятие «наполненной интенции» Эдмунда Гусерля как корректное применение нормы [71; 84, ch. 6]) (см. также сноску 18). Таким образом, контекстуальный реализм, о котором идёт речь, может быть также назван неметафизическим «интенциональным реализмом» или неметафизическим «нормативным реализмом» [75]. Подлинный реализм, который не игнорирует укоренённость норм (правил, концептов) в реальности, есть одновременно и то и другое.

Метафизические интенциональный и нормативный реализмы отрывают нормы (интенции) от контекста их употребления. Тем самым они их субстанциализируют. Нормы-интенции, однако, не существуют (не реальны) сами по себе, не обладают автономией и не натурализуются в буквальном смысле как части природной реальности. Сами по себе они идеальны, то есть относятся к категории идеального, отличной от категории реального. Они реальны лишь в том смысле, что укоренены в реальности, то есть имеют реальные условия своего существования и применения, могут быть выявлены, если употребить терминологию Витгенштейна, в рамках «форм жизни» и соответствующих «языковых игр», то есть в контексте. Подробнее контекстуальный реализм в витгенштейновских терминах мы рассмотрим в следующих двух главах.

Укоренённость норм (концептов, интенций, теорий, смысла и так далее – любой идеальности) в реальности мы будем понимать в смысле удовлетворения следующим двум условиям: подходящести и адекватности.

Подходящесть нормы означает, что у неё есть область своей применимости, которой она соответствует. В этом смысле выбор нормы может быть истинным или ложным: истина есть соответствие. Например, устоявшаяся физическая теория, которую мы в Части II интерпретируем как норму/правило (укоренённая в реальности концептуальная схема) в смысле философии позднего Витгенштейна, истинна, если она соответствует области своей применимости –

¹⁸ У Витгенштейна и Канта общим является прагматическая критика семантики. Для обоих суждения, представляющие собой прагматические нормативные акты, и пропозициональные содержания (а не концепты) первичны. Оба философа также разделяют положение о нормативном характере интенциональности (именно Кант впервые понял нормативный характер интенциональности). Другими словами, оба нормативные прагматисты [452]. Корректируя феноменологию, в частности феноменологию Гусерля, мы интерпретируем интенциональность как имплицитное в-правило (норму), а гуссерлевское «наполнение» интенциональности как витгенштейновскую спонтанность, то есть корректное (обосновываемое) его применение [335]. Эта позиция совпадает с позицией Бенуа, согласно которой интенциональность есть норма, а гуссерлевское наполнение интенциональности есть удовлетворение норме [71; 84; 488].

своей «форме жизни». Механика Ньютона истинна в области своей применимости, то есть, грубо говоря, в окружающем нас обыденном мире. С точки зрения релятивистской, механика Ньютона оказывается ложной или приближённой теорией. Она «ложна» или приближённа в том смысле, что неприменима или плохо применима в области применимости релятивистской теории. Здесь мы сталкиваемся с тем, что сам статус быть нормативным или фактическим зависит от точки зрения: фактическое может быть преобразовано в нормативное и наоборот. Теория Ньютона возникла как подтверждённая на опыте истинная эмпирическая теория. Затем она приобрела статус нормы и логическую достоверность. Наконец, с точки зрения СТО или квантовой механики она оказывается приближённой или ложной теорией, теряет свой нормативный статус.

Условие адекватности означает корректность применения нормы/правила – в Главе 2 мы будем говорить о витгенштейновском правиле, или сокращённо «в-правило» – в конкретных условиях (контексте) в рамках области своей применимости, «формы жизни». Очевидно, что удовлетворение второго условия предполагает удовлетворение первого. Именно благодаря удовлетворению второму условию между теорией и реальностью устанавливается интимная связь, позволяющая познать сами вещи. Здесь мы сталкиваемся с проблемой следования правилу. Согласно Витгенштейну, мы следуем правилу «слепо», «инстинктивно» (но не иррационально).

Различие между условиями подходящести и адекватности несколько условно. Применение концепта (нормы, теории) спонтанно; оно корректно или нет. То есть в общем случае мы не удовлетворяем сначала условию подходящести, а затем условию адекватности. Мы не начинаем с проверки, что данный концепт является «истинным» концептом – чтобы это проверить, необходимо иметь концепт концепта, – не применяем концепт двухэтапным, так сказать, образом.

Отметим, что мы будем употреблять термины «норма», «правило», «концепт» (или «концептуальная схема») как эквивалентные, взаимозаменяемые. Для этого имеются следующие основания.

Под «правилом» обычно понимают эксплицитную норму. Можно, однако (и мы так и поступим), говорить об эксплицитном или имплицитном правиле и, соответственно, об эксплицитной или имплицитной норме. Далее, для Канта и Витгенштейна концепт – правило. И всякое правило можно рассматривать как концепт или концептуальную схему в широком смысле. Наконец, отметим, что и концепты, и правила употребляются в суждениях и действиях, которые корректны или нет, то есть имплицитно нормативны. В частности, корректность эпистемических суждений регулируется эпистемическими нормами. Суждения и действия – имплицитно нормативные явления – мы полагаем, что можно так сказать, – именно потому, что они представляют собой применения концептов, которые корректны или нет. Как отмечает Брэндом, применение концептов предполагает взятие обязательств и ответственность за их выполнение, содержание которых артикулируется этими концептами [129, p. 110].

Укажем также, что в рамках своего аналитического прагматизма Брэндом развивает «смысл-употреблениеанализ» и прагматическую теорию категорий, трактуемых как априорные экспрессивные метаконцепты, делающие эксплицитными универсальные имплицитные черты употребления дескриптивных эмпирических концептов (и вообще любой автономной лингвистической практики) и прагматически опосредованные семантические связи между различными словарями [129; 450–451].

Связь между нормативным и алетическим модальным словарями тоже прагматически опосредованная. В терминологии Брэндома первый достаточен, чтобы специфицировать практику, позволяющую употребить второй. На самом деле, это утверждение делает эксплицитным и развивает позицию Вильфрида Селларса, согласно которой «модальности – транспонированные нормативности» [129]. Поздний Витгенштейн, мы утверждаем, для которого деонтическая

и алетическая модальности определяются формой жизни, её «грамматикой», придерживается аналогичных позиций. В частности, мы согласны с Питером Хакером, что у Витгенштейна необходимость имеет нормативную природу: «То, что мы называем необходимыми истинами, истины не описательные, а нормативные, то есть выражения правил» [453].

«Тезис Канта-Селларса», утверждающий, что модальные метаконцепты имплицитны в любом употреблении эмпирических концептов (и, согласно Брэндоу, это верно для всех категориальных метаконцептов, а не только модальных) также содержится в имплицитном виде у Витгенштейна [129, р. 96–97; 451; 455]. В самом деле, у Витгенштейна всякое осмысленное употребление языка и, в частности, употребление обыденных эмпирических концептов предполагает принятие так называемых «осевых предложений», которые относятся к «грамматике» или правилам языковых игр и форм жизни. Например, глобальный скептицизм, ставящий под сомнение абсолютно всё, в том числе и все осевые предложения, на самом деле, согласно Витгенштейну, бессмысленная позиция.

Будучи скорее философом сознания, а не языка, Витгенштейн также призывает бороться «против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» [436, § 109]. В частности, он отмечает, что наши утвердительные предложения не всегда утверждения фактов, а сингулярные термины не всегда отсылают к референтам-объектам. Селларс, в свою очередь, считает, что скептицизм и догматическая метафизика принимают за дескриптивные и те выражения, которые играют экспрессивную роль.

Принимая во внимание вышесказанное, наряду с выражением «контекстуальный реализм» мы можем также употреблять выражения «концептуальный реализм»¹⁹, «семантический реализм», «интенциональный реализм», «нормативный реализм», но не в метафизическом, а в контекстуальном смысле. Плюрализм «реализмов» оказывается лишь видимым.

Условия подхождности и адекватности – это также условия на подлинные концепты, смысл и интенциональность. Псевдоконцепты, псевдосмысл и псевдоинтенциональность оторваны от реальности. Подлинные концепты, смысл и интенциональность вырабатываются в реальности, питаются реальностью, которая служит для них почвой. В частности, представление об автономных смыслах, образующих, если использовать выражения Жослена Бенуа, «государство в государстве» или «государстве вне государства», было распространено во второй половине XX века в аналитической философии [86]. Такой метафизический «семантический реализм» есть, на самом деле, семантический идеализм. С точки зрения контекстуального реализма Бенуа пишет: «(...) Я не *противопоставляю* смысл реальности. Я их *различаю*, что не то же самое» [87, р. 103].

Для более наглядного и целостного восприятия предлагаемой позиции можно представить себе, что акцент в выражениях «контекстуальный реализм», (контекстуальный) «нормативный реализм», (контекстуальный) «интенциональный реализм», (контекстуальный) «семантический реализм», (контекстуальный) «концептуальный реализм» и так далее может свободно смещаться. Речь идёт о двух неразделимых аспектах контекстуального реализма. Реальный объект (то есть определённая конкретная вещь) может быть *дан* (*данным*) лишь в рамках некоторой точки зрения, описания, интенции (как формата описания), применения концепта, нормы или теории, которые его не создают, а идентифицируют (то есть объект суще-

¹⁹ Но это не концептуальный реализм в смысле Брэндома, утверждающий концептуальную артикулированность самой реальности. С нашей точки зрения реальность как таковая не имеет никакой концептуальной структуры, поскольку сама концептуальность вторична. (Но это не означает, что реальность нечто бесформенное. Понятие бесформенности уже предполагает применение концептов.) Та или иная структура идентифицируется в ней в контексте при помощи тех или иных норм, сам выбор которых зависит от контекста. Если же интерпретировать Брэндома в том смысле, что корректное применение концептуальной схемы к реальности идентифицирует в ней реальную структуру, и что вне концептуальной схемы невозможно говорить об определённой реальности, то концептуальный реализм Брэндома можно принять. Таким образом, концептуальный реализм Брэндома лучше рассматривать как относящийся к уже кон-цептуализированной реальности – устоявшейся форме жизни.

стует *не в силу* концептуальной схемы и так далее; в противном случае позиция была бы идеализмом). То есть наш реализм интенциональный, нормативный, концептуальный, «перспективистский», семантический, контекстуальный (вещи приобретают свою идентичность лишь в контексте) – акцент делается на первом слове указанных выше выражений. И при этом, с другой стороны, сами интенция, норма, теория, точка зрения, концептуальная схема, смысл и так далее являются внутренними в том или ином контексте, укоренены в реальности, которую они идентифицируют. В этом (и только этом – не категориальном) смысле они реальны. То есть наш интенциональный (нормативный и так далее) реализм есть реализм (относительно интенциональности, нормы и так далее) – акцент делается на втором слове указанных выше выражений.

Мы будем также говорить о реальности контекста, или о контексте как самой реальности. Контекст подразумевается; он не может быть определён. В противном случае это был бы не контекст, а определённый объект. В рамках контекстуального реализма все реальные объекты укоренены в контексте – реальности. Благодаря этому, в зависимости от контекста, они могут варьировать свою идентичность. Как утверждает Бенуа, контекстуальность – фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности [87, ch. 1]. То, что не обладает этим свойством, не реально.

Понятие контекста хорошо известно из аналитической философии языка. Например, индексикальные выражения истинны или ложны не сами по себе, а в контексте. Мы будем, однако, оперировать более общим и менее определённым понятием контекста, содержание которого раскрывается лишь в рамках философской позиции, которую мы называем контекстуальным реализмом.

Вкратце, контекст есть там, где имеет смысл говорить об истинных или ложных высказываниях (корректных или некорректных действиях), но не о предопределённости их истинности или ложности (корректности или некорректности) : в этом смысле контекст – это определённость без предопределённости. Высказывания, суждения и действия первичны. Они – употребления концептов в контексте. Понятие контекста, таким образом, возникает там, где возникают концепты, нормы, язык и их применения. Как пишет Бенуа, «что касается понятия контекста, то «контекст возникает лишь там, где начинается эта нормативная игра в реальности, которую в том или ином смысле называют «мыслью». Сам контекст, однако, (...) остаётся безмолвным» [75, p. 88]. Контекстуальное и концептуальное (или нормативное) идут рука об руку. Нельзя понять одно, не поняв другое. Парадигматические случаи употребления языка (концептов, норм) – деконтекстуализированные, тогда как новые случаи – по определению контекстуальные: контекст – это всегда новизна. Витгенштейновские языковые игры контекстуальны, что также означает, что они не автономны, а укоренены в реальности.

Поскольку контекст – это непредопределённость, новизна, он есть там, где есть обоснование *постфактум*: контекст не иррационален, он предполагает рациональность. Контекст есть там, где фрагмент реальности, реальный объект может менять свою идентичность, превращаться в другой реальный объект.

Итак, как уже было сказано, образно говоря, контекст есть там, где есть укоренённость в реальности, интимная связь с ней. Он есть там, где смысл, нормы (правила), концепты питаются самой реальностью, которая играет роль почвы для них. Поэтому можно также сказать, что контекст есть сама реальность. Только в контексте можно говорить о полном смысле, концептах, нормах, которые противостоят псевдосмыслу, псевдоконцептам и псевдонормам. Контекст есть там, где удовлетворяется введённое выше условие адекватности (условие подхождности можно отнести к более широкому контексту). Он есть там, где есть реальное бытие, реальный объект.

Выше мы ввели понятие «Ощущаемое», ссылаясь на обыденный перцептивный опыт. Речь может идти о перцептивном опыте, приобретаемом посредством любого из шести органов

чувств или их комбинаций. Визуальная перцепция играет, однако, особую роль. Классическое понятие объекта было сформировано именно на базе визуальной перцепции.

Можно, однако, расширить понятие неинтенционального перцептивного опыта – ощущаемого – на другие и удалённые от обыденной жизни области реальности, так что можно также говорить об ощущаемом в физике (например, можно «ощущать» фрагмент субатомной реальности или фрагмент космологической реальности), математике, социальной сфере и так далее. (В качестве альтернативы можно вообще отказаться от понятия ощущаемого в областях, удалённых от обыденного опыта. То есть можно говорить о социальной реальности, математической реальности, реальности кварков и чёрных дыр и так далее как о реальностях, которые не ощущаются.) О реальном объекте мы будем говорить как об объекте ощущаемом, то есть объекте, укоренённом в соответствующей области реальности, «форме жизни».

Эпистемология модерна сталкивается с «проблемой доступа» субъекта (мысли, концептов, языка) к реальности, которая на самом деле псевдопроблема. Контекстуальный реализм обращает внимание на то, что мы сами являемся частью обыденной, физической, социальной и других видов реальности. Как таковые они не концептуализированы. Мы способны получить тот или иной осознанный «доступ» к ним лишь в том случае, если мы уже выработали соответствующие концепты и овладели ими, то есть способны корректно их применять. То есть субъективность – это нормативное «движение» в самой реальности. Философия модерна вводит дуализм субъекта и объекта с самого начала и, как следствие, не может его преодолеть. У нас дуализм с самого начала отсутствует. В Части II это позволит, например, нам устранить проблему наблюдателя и неразрывно связанную с ней проблему измерения в квантовой механике. Проблемы интерпретации, с которыми сталкивается современная физика, обусловлены неверными предпосылками философии модерна (постмодернизм есть лишь крайнее проявление модернизма).

Физическая реальность как таковая – неконцептуализированное физическое Ощущаемое. Это физическое Ощущаемое, однако, не всегда и не всякому «дано» – не в смысле данного (определённого) объекта (то есть чего-то, что имеет идентичность), а в смысле «данного» неконцептуализированного (не имеющего определённости) фрагмента физической реальности (хотя тот факт, что речь идёт о физической реальности, уже предполагает известную минимальную концептуализацию при помощи физических концептов)²⁰. Просто фрагмент реальности нам не дан, подобно явлению или объекту²¹. Он может быть нам «дан» или нет в том смысле, что мы, так сказать, можем находиться в нём, контактировать с ним или нет. Такая его «данность» – необходимое условие для его последующей концептуализации в том или ином контексте. Как уже было сказано выше, концептуализация, о которой идёт речь, не произвольное навязывание фрагменту реальности идентичности извне, а идентификация в нём того или иного объекта (той или иной идентичности) в том или ином контексте. Наша позиция – контекстуальный реализм, а не идеализм. В частности, наша позиция не конструктивизм. Например, в физике идентификация объекта при помощи теории не есть его конструирование. В этом смысле физический опыт и физический объект не несут «теоретической нагрузки». Они просто таковы, каковы они есть (это означает, что как «корреляционизм», так и «антикорреляционизм», пытающийся преодолеть «корреляции», ложные позиции).

²⁰ Поэтому о «фрагменте реальности» можно говорить как о «данном» в смысле уже существующей его минимальной концептуализации и нельзя говорить как о «данном» в смысле его будущей концептуализации как нового объекта. Или же о неконцептуализированном фрагменте реальности можно говорить как о данном, применяя понятие «данное» в другом смысле. Таким образом, мы сближаем понятие «данного» как определённого данного – объекта – и понятие данного как ещё неопределённого фрагмента реальности.

²¹ Мы говорим о данности явления и о данности объекта в рамках явления. Но можно также, как это делает Кант, отождествлять данный нам объект и соответствующее явление.

Для того чтобы оказаться в контакте с тем или иным определённым фрагментом реальности, необходимо его предварительно минимальным образом концептуально очертить, то есть оказаться в контакте с некоторым неопределённым (или «недоопределённым») фрагментом реальности – «формой жизни». Данность «неопределённого фрагмента реальности» – это данность «формы жизни». Употребляя терминологию Витгенштейна, скажем, что не только существование определённых объектов, но и вид или тип самого Ощущаемого, предполагает ту или иную «форму жизни». Ощущаемое – это то, что превосходит концептуализированную, объективированную форму жизни. Это то, из чего возникает новый объект. То есть форма жизни определяет Ощущаемое не положительным, а отрицательным образом.

В рамках формы жизни идентифицируются парадигматические (реальные, укоренённые в реальности и поэтому Ощущаемые) объекты, а также новые (не предопределённые) объекты – фрагменты реальности, которые до той или иной своей идентификации не имели идентичности. Идентификации нового объекта предшествует «данность», которая не есть данность объекта, а есть простое присутствие фрагмента реальности Ощущаемого (всё же, как уже отмечено выше, некоторая минимальная данность в этом присутствии очерченного фрагмента реальности имеет место), с которым субъект вступает в контакт в рамках формы жизни.

Приведём несколько примеров.

Идентификации бозона Хиггса как реального объекта («элементарной частицы») в результате применения теории, проведения многочисленных экспериментов, статистической обработки экспериментальных данных предшествовало некоторое физическое Ощущаемое, исследование некоторого фрагмента реальности в рамках Стандартной модели и практики её применения, которые играли роль физической формы жизни. Вне этой формы жизни не только бозон Хиггса не мог бы быть дан, «открыт», но не мог бы быть «дан» и соответствующий фрагмент физической реальности, физическое Ощущаемое, в котором бозон был обнаружен. Бозон Хиггса не был сконструирован при помощи теории и опыта. То есть соответствующий физический опыт бозона не несёт «теоретической нагрузки». И он не был «открыт» в метафизическом смысле, как (пред)определённый объект внешнего мира, объясняющий сам себя. Он, как уже сказано, был идентифицирован. В результате применения физической теории в контексте он приобрёл идентичность.

Тау-нейтрино не было открыто «вдруг». И понятие «тау-нейтрино» не было определено сразу. Оно формировалось постепенно, как теоретически, так и на опыте. То есть постепенно очерчивался и уточнялся фрагмент реальности, в котором позже тау-нейтрино и было идентифицировано, а затем окончательно установлено («открыто»). Краткая история такова [111] : понятие (и соответствующий символ) «тау-нейтрино» было введено в 1977 году. В 1979 году было доказано, что нейтральная частица, присутствующая в тау-распаде, нейтрино. Существование тау-частицы как третьего нейтрино (тау-нейтрино) – изоспин-партнёра тау-лептона – было окончательно установлено между 1981 и 1986 гг., тогда как её свойства были точно определены в 1989 году на экспериментах по электрон-позитронным и протон-антипротонным столкновениям. В 2000 году наблюдалось взаимодействие тау-нейтрино с материей [111].

Приведём пример из ещё более ранней истории физики. Эйнштейн и Инфельд пишут [Einstein 1938 : 157–158] :

«Вначале концепт поля был не более чем средством, облегчающим понимание явления с механической точки зрения. (...) Признание новых концептов шло неуклонно, пока понятие поля не затмило собой понятие субстанции. Было осознано, что в физике случилось нечто важное. Была создана новая реальность, новый концепт, для которого не было места в рамках механического описания. Медленно и в борьбе концепт поля занял лидирующее место в физике и стал одним из основных физических концептов. Для современного физика электромагнитное поле так же реально, как реален стул, на котором мы сидим».

Такого рода преобразование концепций в полнокровные концепты, идентифицирующие новые и хорошо установленные определённые реальности, в физике происходит постоянно. Известно, например, что Гейзенберг не верил, что мысленные эксперименты с одиночными атомами могут быть реализованы. Тем не менее они стали реальностью (см., например, [232]). Аналогичным образом в реальность «превратились» концепты чёрной дыры, бозона Хиггса, гравитационных волн и другие.

Подобно тому как можно иметь дело с тем или иным неконцептуализированным (если у него нет необходимой теории), а лишь очерченным, или слабо концептуализированным, фрагментом физической реальности, можно иметь дело с неконцептуализированным фрагментом социальной реальности – неконцептуализированным социальным Ощущаемым. В отсутствие соответствующих концептов социальные явления могут восприниматься как социальное Ощущаемое, как просто социальная реальность в её самости (ipseity). Тот или иной фрагмент социальной реальности (социальное Ощущаемое) доступен (первоначально, так сказать, в «сыром виде», а не в виде определённых социальных объектов, явлений, сущностей) нам лишь в рамках той или иной социальной формы жизни. Если мы ничего не знаем о некоторой области социальных явлений, даже постановка самого вопроса о том, что происходит, будет невозможной. Концептуализация начинается там, где мы делаем различия, ставим интересующие нас осмысленные вопросы и ищем на них осмысленные ответы.

Для Хайдеггера мы слышим не просто некоторый гудок или гудок автомобиля, а мы непосредственно (а не опосредованно) слышим, воспринимаем гудок автомобиля почтальона. То есть мы непосредственно воспринимаем его в его социальном измерении. Это измерение могло бы быть не воспринято, например, человеком, который не знаком со способом доставки почты, иностранцем или ребёнком. В этом случае социальное Ощущаемое не было бы концептуализировано как гудок автомобиля почтальона, как сигнал доставки почты, но оно не перестало бы существовать. Человека, неспособного идентифицировать те или иные аспекты, измерения реальности, по причине отсутствия соответствующих концептов, Витгенштейн называет «концептуально слепым».

Социальная реальность не менее реальна, чем природная реальность. Как и всякая реальность, она просто такова, какова она есть. И она не может быть редуцирована к природной реальности. Социальное имеет, так сказать, свою собственную природу; оно реально по-другому, чем природа. Реальность социальных институтов, традиций, статусов отличается от реальности природных объектов.

В то же время социальное не менее естественно, чем природное, а его восприятие не менее непосредственное. Оно не добавляется к природному, не располагается на вершине пирамиды, у основания которой находится природное. Всё же метафора «второй природы» по отношению к социальному не совсем удачна, так как она позволяет предположить, что «первая природа» является более фундаментальной, более реальной.

Мы также не принимаем решение, ни индивидуально, ни сообща, о том, что есть та или иная социальная реальность, – например, о том, кого назвать почтальоном. Социальная реальность не условна, не театральна, не конструируется, как это полагал постмодернизм. Условности и игра в социальное, имитация и видимость вторичны, предполагают реальность социального. Традиция как подлинная социальная форма жизни – концептуализированная социальная реальность, а не условность.

Социальная реальность – реальность устоявшихся социальных практик, традиций – «форм жизни» и «языковых игр» – и имманентным им норм, которые не формальные трансцендентные правила, навязываемые извне. Мы делаем не только то, что должны делать, но и, как правило, то, что все делают. Социальные объекты идентифицируются в контексте при помощи измеряющих социальную реальность социальных норм. Поэтому социальная онтология вариабельна, плюралистична.

В рамках контекстуального реализма отвергаются как редукционизм, согласно которому вещи вообще лишены социального измерения, так и метафизический социальный реализм, согласно которому вещи имеют внутренне присущее им социальное измерение, которое не зависит от контекста.

С точки зрения контекстуальной можно посмотреть на любую область исследования, в которой возникает вопрос о реальности. В частности, как нам представляется, реальность прошлого тоже контекстуальна. Как пишет Баро :

«Мы не ответственны за то, что когда-то произошло без нашего вмешательства. Но мы ответственны за то, что мы можем сделать настоящим, ввести в существование. Это хорошо поняли стоики. То, что от нас совершенно не зависит, не должно нас беспокоить, даже если и должно заслуживать наше внимание.

В отношении природы вещи не обстоит фундаментально иначе. Нильс Бор применил к естественному становлению, которое изучает, в частности, квантовая механика, формулу Киркегарда “Мы актёры, а не только просто зрители, в большой драме Вселенной”» [61, р. 13]. (Наша интерпретация квантовой механики в рамках контекстуального реализма излагается в Главе 11).

Эти слова могут быть интерпретированы идеалистически. Мы интерпретируем их реалистически, но не в метафизическом смысле: не всякое прошлое имеет объектное существование, так как для этого необходима его концептуальная (теоретическая) идентификация, по крайней мере потенциальная, то есть в принципе. Но это не значит, что неконцептуализированное прошлое не реально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.